

ГЛАВА 2. ПРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА УСТАНОВЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

§1. Проблема определения сферы публичных и частных интересов в уголовном процессе на стадии предварительного расследования

Оптимальное решение проблемы разграничения сферы интересов имеет принципиальное значение для формирования и укрепления нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности на стадии предварительного расследования. Реализация как публичных, так и частных интересов детерминирует дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства, а также гарантирует безусловное исполнение предписаний процессуального закона.

При исследовании широкого круга проблем в сфере реализации общественных отношений понятие «интерес» используется достаточно часто. Тем не менее, прежде чем определить сферы публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве, а также указать критерии их разграничения, необходимо раскрыть основные черты, присущие категории «интерес».

Философы, психологи, социологи, политологи по-разному определяют суть этого понятия. Так, для философов интерес выступает в качестве целеустремленного отношения субъекта к объекту своей потребности¹. Именно философы усматривают в интересе реальное основание нравственности². Среди социологов нет единства мнений по поводу сущности понятия интереса. Одни ученые отождествляют его с положительным специфическим социальным результатом³, другие – с направленностью субъекта на значимые для него объекты, связанные с удовлетворением потребностей⁴.

С точки зрения политологов, понятие интереса играет двойственную роль: с одной стороны, предоставляет субъекту новую свободу действий по сравнению с теми правилами, что установлены традициями, а, с другой стороны, устанавливает новые ограничения⁵.

---

¹ Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1981. – С.102.

² См.: Философский энциклопедический словарь. ... – С.213.

³ См.: Большой толковый социологический словарь. Т.1. – М.: Вече, АСТ, 1999. – С.255.

⁴ См.: Социологический энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – С.110.

⁵ См.: Даниленко В.И. Современный политологический словарь. – М.: NOTA BENE, 2000. – С.332-333.

Психологи наиболее широко истолковывают сущность интереса, рассматривая его как внимание, любопытство, озабоченность, целенаправленность, осведомленность, желание¹, либо характеризуя как потребностное отношение к миру².

Среди ученых-правоведов также нет единства мнений по вопросу о содержании категории интереса. В ходе развития правовых наук изменялось и понимание интереса как философской категории, используемой в целях развития и совершенствования действующих парадигм в праве. Так, в свое время А. Квачевский определял интерес как блага, необходимые для жизни и ее нужд³. Его современник И. Бентам рассматривал интерес как стремление к увеличению удовольствий и уменьшению страданий⁴. Позднее в литературе нашло свое отражение понимание интереса как участия в каком-либо событии или факте, вызываемого как свойствами факта, так и склонностями самого субъекта⁵.

Рудольф фон-Еринг утверждал, что приобретение прав, их осуществление и применение «...есть вопрос интереса – интерес есть практическое ядро права...»⁶.

В процессуальной литературе достаточно распространено использование понятия законного интереса личности, употребляемого в значении интереса, признанного государством и выражающего волю общества⁷, либо интереса, совпадающего с публичным⁸. Не менее распространенным следует признать использование понятия интересов, охраняемых законом⁹, а также уголовно-процессуальных интересов¹⁰.

¹ См.: Большой толковый психологический словарь. Т.1. – М.: Вече, АСТ, 2000. – С.321.

² См.: Психологический словарь. – М.: Педагогика, 1983. – С.138.

³ См.: Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений. Часть 2. – СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1867. – С.3

⁴ См.: Бентам И. Избранные сочинения Иеремии Бентама. Введение в основание нравственности и законодательства. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – С.3.

⁵ См.: Брокгауз Ф.А. Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Том 25. – СПб.: Тип. И.А. Эфрона, 1894. – С.262.

⁶ Рудольф фон-Еринг Борьба за право. – Киев: Тип. А.К. Брун, 1893. – С.30.

⁷ См.: Даев В.Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Известия вузов. Правоведение. – 1997. – №1. – С.82; Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – С.179.

⁸ См.: Строгович М.С. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М.: Наука, 1979. – С.145.

⁹ См.: Сманов К.Д. Процессуальное положение подозреваемого, потерпевшего и обвиняемого в советском уголовном процессе. – Фрунзе: Кирг. гос. ун-т, 1971. – С.31.

¹⁰ См.: Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Известия вузов. Правоведение. – 1971. – №1. – С.68.

С.И. Ожегов отождествляет интерес с нуждой, потребностью¹. Однако следует согласиться с мнением тех ученых, которые указывают на различное смысловое значение интереса и потребности (нужды)².

Такое широкое использование категории интереса указывает на актуальность поставленной проблемы. Вместе с тем, отсутствие единого подхода к пониманию сущности рассматриваемого понятия не способствует единообразной практике его применения.

На мой взгляд, интерес – это в первую очередь осознание потребности, обусловленное желанием получения пользы, выгоды.

Следует отметить, что в сфере реализации уголовно-процессуальных отношений понятие интереса приобретает специфическое смысловое значение. В уголовном процессе интерес находит свое проявление всякий раз, когда участник уголовно-процессуальной деятельности стремится реализовать предоставленные ему законом процессуальные права, а также восстановить те права, которые, по его мнению, нарушены, либо расширить их объем или сферу применения. Так, согласно ч.5 ст.148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован в порядке, установленном Кодексом. Право обжалования, в соответствии со ст.123 УПК РФ предоставляется не только участниками процесса, но и иным лицам, «в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы».

Таким образом, **уголовно-процессуальный интерес** – это форма осознания субъектом потребности в реализации предоставленных законом процессуальных прав, восстановлении правовыми способами нарушенных прав, не противоречащих закону, а также расширении сферы действия таких прав либо увеличения их объема законодательно закрепленными средствами и методами.

В связи с этим необходимо решить вопрос о том, какие интересы представлены в процессе и кем они защищаются.

Традиционно процессуалисты выделяют несколько групп интересов в уголовном процессе: общественный и индивидуальный (или частный)³ либо государственный и частный⁴. Л.Н. Масленникова считает, что в системе интересов в уголовном процессе следует выделять общественный

¹ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.249.

² См.: Лукашева Е.А. Указ. соч. – С.189; Манджян К.Х. Указ. соч. – С.273.

³ См., напр.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. – СПб.: Тип. т-ва Общественная польза, 1912. – С.80; Шершеневич Г. Общая теория права. Том 1. Часть теоретическая. – М.: Изд. бр. Башмаковых, 1912. – С.706.

⁴ См., напр.: Бибило В.Н. Регулирующее воздействие на правосудие права и морали // Укрепление законности и борьба с преступностью в условиях формирования правового государства. – М.: Изд-во ИГПАН СССР, 1990. – С.162.

интерес, личный или индивидуальный интерес, входящий в содержание общественного, а также личный интерес, выражающий автономию личности от государственной власти по достижению целей уголовного судопроизводства¹. Расширяя классификацию интересов, не безразличных с точки зрения действующего законодательства, в их перечень включают интересы организаций², интересы потерпевшего, погибшего родственника, жертв преступлений как составляющие индивидуального интереса³.

На мой взгляд, в уголовном судопроизводстве необходимо выделять такие группы интересов, как государственные, общественные и частные.

Правоведы совершенно обоснованно отмечают, что государство и общество не тождественны друг другу: развитие общества как совокупности всех общественных отношений, сложного социального организма детерминировало образование государства, которое, с одной стороны, представляет общество, а с другой – осуществляет руководство им путем использования государственного аппарата⁴. Таким образом, понятия государственного и общественного интересов также не совпадают, на что и обращают внимание процессуалисты⁵. Действительно, интересы государства как совокупности государственных органов, осуществляющих управление обществом, а также интересы самого общества нельзя признать совпадающими.

Исходя из различной природы государственных и общественных интересов, следует указать, что, государственный интерес в уголовном процессе – это интерес, удовлетворение которого обеспечивает функционирование и развитие самого государства в лице его правоохранительных органов, а также их совершенствование или изменение в соответствии со сложившейся системой экономических, политических, финансовых и иных отношений на заданном этапе развития. На мой взгляд, государственный интерес в уголовно-процессуальной сфере получает свое первоначальное законодательное закрепление в виде назначения уголовного судопроизводства в целом, а точнее – в виде нормативно установленных средств ее достижения.

¹ См. подробнее: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России. Автореф. дис. ... д.-ра юрид. наук. – М., 2000. – С.27.

² См., напр.: Изосимов С.В. К вопросу о применении принципа диспозитивности по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях // Юрист. – 1999. – №5-6. – С.26.

³ См., напр.: Великанов В.В. Указ. статья. – С.111; Махов В. Правила Миранды подвергаются критике / В. Махов, М. Пешков // Российская юстиция. – 2000. – №1. – С.57.

⁴ См. подробнее: Общая теория государства и права. – М., 1996. – С.43-44, 73-75.

⁵ См., напр.: Тенчов Э. О частных началах в российском уголовном праве // Уголовное право. – 2000. – №1. – С.44.

Общественные и частные интересы также не совпадают по своему содержанию. Долгое время господствовало мнение об их единстве и гармоничном сочетании¹, которое достигалось путем совершенствования морального сознания личности, направленного на понимание своего общественного долга, т.е. на формирование определенного менталитета. Так, например, В.Т. Ганжин в этой связи утверждал, что «...возникает момент, когда субъект должен занять позицию общественного блага»².

В современный период развития уголовно-процессуальных отношений в ходе предварительного расследования преступлений интерес общества и отдельных граждан совпадает лишь в той части, в которой «и гражданин, и общество не столько жаждут борьбы..., сколько защиты....»³. Иными словами, необходимо изменение проводимой государством уголовной политики, формирование новых приоритетов в системе тех ценностей, которые находятся под государственной защитой. На что, кстати, и было указано специалистами⁴.

Таким образом, государственный интерес состоит в реализации целей уголовного судопроизводства, достижение которых приведет к удовлетворению общественных и частных интересов, заключающихся в обеспечении состояния защищенности, так как целью любого закона есть общественная польза и благо⁵. В таком аспекте представляется правомерным понимание общественного интереса как совокупности интересов отдельных его граждан. Однако наряду с обозначенным единством общественных и частных интересов следует указать и на сферу их несовпадения.

В первую очередь, необходимо определить, какие интересы признаются частными. До сих пор в качестве таковых я рассматривала только интересы граждан – индивидуальные интересы, что вполне согласуется с мнением Э. Тенчова, считающего, что частный интерес – это

¹ См., напр.: Городинец Ф.М. Профессионализм и правовая культура сотрудников милиции // Органы внутренних дел на пути к правовому государству: Сб. тр. адъюнктов и соискателей. Вып.1. – СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т МВД России, 1993. – С.35.

² Ганжин В.Т. Социалистическая нравственность как система: проблемы, процессы, отношения. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С.92.

³ Цит. по: Гаврилов С. Нужно ли с преступностью «бороться»? // Российская юстиция. – 1996. – №3. – С.26.

⁴ См. подробнее: Михеев Р.И. Научная концепция российской уголовной политики и теоретическая модель ее формы *de lege ferenda* // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С.8-9.

⁵ См.: Бентам И. Указ. соч. – С.166-167.

индивидуальный интерес отдельных граждан⁶. Однако понятие частных интересов данным аспектом не ограничивается.

Анализ отраслевого законодательства позволяет сделать вывод об отнесении к сфере частных интересов наряду с индивидуальными и коллективными интересами, под которыми необходимо понимать, на мой взгляд, интересы предприятий, учреждений, организаций. Так, процессуальное законодательство (ст.23 УПК РФ) предоставляет коммерческой или иной организации право обратиться с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности, если совершенное общественно-опасное деяние «не причинило вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества или государства». Данная формулировка указывает на то, что законодатель не включает интересы организаций ни в состав государственных, ни в состав общественных интересов. Индивидуальными интересами они, безусловно, не являются. Однако, на мой взгляд, их следует рассматривать как коллективные частные интересы, которые также должны учитываться в праве.

В таком аспекте частные интересы в уголовном судопроизводстве заключаются не только в реализации гарантий со стороны государства по обеспечению состояния защищенности прав и свобод, но и в максимальном невмешательстве в сферу деятельности субъектов как в уголовно-процессуальных, так и иных отношениях.

Безусловно, использование процессуалистами понятия уголовно-процессуального интереса достаточно обоснованно. Более того, в целях адекватного его применения данное понятие должно использоваться именно в том значении, которое указано ранее. Однако категория уголовно-процессуального интереса является достаточно ограниченной. На мой взгляд, в целях максимального освещения поставленной проблемы следует обратиться к характеристике охраняемых законом интересов, гарантии соблюдения которых закреплены как в Конституции Российской Федерации, так и в отраслевых законодательных актах.

В настоящее время в сфере уголовно-процессуальных отношений государство защищает не все частные интересы, нуждающиеся в такой охране. Так, нашли законодательное закрепление гарантии обеспечения неприкосновенности частной жизни (ч.1 ст.23 Конституции РФ), неприкосновенности личности (ст.22 К РФ), неприкосновенности жилища (ст.25 Конституции РФ), тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных отправок и сообщений (ч.2 ст.23 Конституции РФ), тайны интимной жизни (ч.2 ст.18, ч.5 ст.170 УПК РСФСР) и др. Не получили четкого законодательного закрепления в источниках уголовно-процессуального

---

⁶ См.: Тенчов Э. Указ. статья. – С.44.

права гарантии охраны, например, банковской, врачебной, тайны, поэтому в настоящее время не все те интересы, которые не противоречат духу закона, охраняются им. В связи с этим представляется, что нельзя отождествлять понятия интереса, охраняемого законом, с понятием законного интереса, так как не всякий интерес, не противоречащий закону, находится под его охраной.

Решение проблемы разграничения сферы публичных и частных интересов в уголовном процессе предусматривает необходимость раскрытия содержания и сущности публичных интересов и их соотношения с государственными и общественными интересами, что, по моему мнению, возможно только через определение сущности принципа публичности.

В ходе развития науки уголовно-процессуального права менялось представление процессуалистов о публичности в уголовном процессе, ее значении, роли и содержании.

На дореволюционном этапе реализации уголовно-процессуальных отношений публичность рассматривалась как основное начало уголовного процесса¹. В дальнейшем, анализируя систему принципов, некоторые процессуалисты приходили к отрицанию самостоятельности принципа публичности². В последующем придание публичности статуса уголовно-процессуального принципа стало безусловным.

Использованный исторический метод исследования понятия публичности не исчерпывает анализа всех имеющихся по данному вопросу точек зрения. Так, в аксиологическом аспекте публичность рассматривалась через цели уголовно-процессуальной деятельности³, через ее соотношение с правилом целесообразности возбуждения уголовного преследования, официально признанного во многих странах (таких, например, как Англия, США, Бельгия, Дания, Япония и др.), либо через необходимость борьбы с преступностью⁴. Достаточно распространен анализ принципа публичности с помощью установления его соотношения с другими правовыми принципами, например, такими, как законность,

¹ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М.: Городец, 1997. – С.14; Случевский В. Указ. соч. – С. 36-39.

² См., напр.: Чельцов М.А. Уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1962. – С.48; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – С.43-44.

³ См., подробнее: Бейгельдина Л.А. О природе принципа публичности уголовного судопроизводства // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам: Межвуз. сб.- Красноярск: Красноярский ун-т, 1987. – С.133-135.

⁴ См. подробнее: Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. – 1999. – №3. – С.61-68.

диспозитивность, состязательность¹, а также с уголовно-правовым принципом неотвратимости ответственности².

В процессуальной литературе нашла свое выражение характеристика принципа публичности как особого процессуального статуса и роли компетентных органов и их должностных лиц в уголовном процессе. Так, П.Н. Давыдов усматривает в публичности независимость субъектов процесса в своих действиях от усмотрения иных лиц³. Л.В. Головкин, Н.Н. Ковтун отождествляют публичность с совокупностью обязанностей субъектов уголовного судопроизводства⁴. Т.Н. Добровольская в раскрытии сущности публичности исходит из единого процессуального статуса должностных лиц правоохранительных органов, т.е. единства не только их обязанностей, но и прав⁵. Интересно, что в свое время И. Бентам характеризовал публичность как душу правосудия не с точки зрения процессуального статуса и установленной законом свободы действий субъектов процесса, а с позиции степени заинтересованности в деле участников процесса, в частности, свидетелей⁶. И, наконец, наиболее интересным в рамках рассматриваемой темы представляется подход к исследованию принципа публичности через категорию интереса.

Анализ приведенных позиций по указанному вопросу позволяет утверждать, что наиболее распространено понимание публичности как государственного интереса, который зачастую отождествляется с общественным интересом⁶.

¹ См., напр.: Ковтун Н.Н. Указ. статья. – С.67-68; Масленникова Л.Н. Указ. соч. – С.24-26; Названова Л.А. О соотношении принципов социалистической законности и публичности в советском уголовном судопроизводстве // Известия вузов. Правоведение. – 1990. – №2. – С.79-83; Петрухин И.Л. Публичность и диспозитивность в уголовном процессе // Российская юстиция. – 1999. – №3. – С.24.

² См., напр.: Давыдов П.М. Обвинение в советском уголовном процессе. – Свердловск: Средне-Уральское книжн. изд-во, 1974. – С.102-104.

³ См., подробнее: Давыдов П.М. Указ. соч. – С.107.

⁴ См., подробнее: Головкин Л.В. Указ. статья. – С.65; Ковтун Н.Н. Указ. статья. – С.68.

⁵ См. подробнее: Добровольская Т.Н. Указ. соч. – С.74-77.

⁶ См.: Бентам И. О судебных доказательствах. Трактат Иеремии Бентама по изданию Дюмона. – Киев: Тип. М.П. Фрица, 1876. – С.74-82.

⁶ См., напр.: Богданов Е. Соотношение частного и публичного в гражданском законодательстве // Российская юстиция. – 2000. – №4. – С.23; Новикова Е.В. О соотношении публично-правовых и частно-правовых начал в экологическом законодательстве // Государство и право. – 2000. – №3. – С.60; Громов Н.А., Николайченко Н.Н., Францифоров Ю.В. Указ. статья. – С.187; Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. – 2002. – №9. – С.25.

Действительно, еще в советский период развития науки уголовно-процессуального права процессуалисты указывали на то, что субъекты уголовно-процессуальной деятельности осуществляют свои функции от имени государства¹.

Учитывая положения ст.2 Конституции РФ, налагающей на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, считаю, что публичный интерес не может быть сведен только к государственному или общественному. Как отмечал Ю.А. Тихомиров, публичное право должно быть основано на балансе интересов личности, коллективов, общностей и общества в целом².

На основании вышеизложенного считаю, что **публичность** можно рассматривать как своего рода разумное сочетание всех интересов в уголовном процессе.

Таким образом, **публичный интерес** – это государственный интерес, а также подтвержденный государством и законодательно закрепленный общественный интерес как совокупность социально значимых частных интересов, не вступающих в противоречие с государственным интересом.

В последнее время в науке все большее внимание уделяется построению «свободного гражданского общества» путем расширения частных начал во всех сферах жизнедеятельности общества³. Однако Л.Н. Масленникова совершенно справедливо отмечает, что в уголовном судопроизводстве попытка преобразования публичного начала в частное может привести к фактическому снижению контроля государственной власти за соблюдением правовых запретов⁴. Поэтому, на мой взгляд, развитие и расширение частных начал, которое выразилось и в существенном изменении приоритетов в назначении уголовного процесса (ст.6 УПК РФ), не должно являться препятствием для осуществления государством своей обязанности по обеспечению защиты прав и свобод личности.

Правоведы выделяют несколько критериев разграничения публичного и частного права:

¹ См., напр.: Вышинский А. Уголовный процесс СССР. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – С.17; Давыдов П.М. Принципы советского уголовного процесса. – Свердловск: Мин-во высш. образ. СССР; Свердл. юрид. ин-т им. А.Я. Вышинского, 1957. – С.7.

² См.: Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. – С.32.

³ См. подробнее: Алексеев С. Наш шанс // Новый мир. – 1993. – №4. – С.142; Барсукова С.Ю. Приватное и публичное: диалектика диспозиции // Полис. – 1999. – №1. – С.137-138.

⁴ См.: Масленникова Л.Н. Указ. соч. – С.35.

1. В отличие от частного права, для которого характерны отношения юридического равенства субъектов, в публичном праве в первую очередь действуют отношения «власть-подчинение».

2. Публичное право построено на принципе субординации, а частное право – на принципе координации воли и интересов участников отношений.

3. Только в частном праве субъект на основе своих естественных прав и в своих интересах строит юридические отношения¹.

Учитывая названные критерии, не вызывает сомнений, что необдуманное расширение частных начал в уголовном судопроизводстве может привести к дисбалансу интересов. Следовательно, принцип публичности как одно из основных начал уголовно-процессуальной деятельности определяет весь ход уголовного судопроизводства, направленного на реализацию процессуальных задач. Эти задачи, в свою очередь, способствуют достижению поставленных целей по обеспечению и соблюдению прав и свобод юридических и физических лиц. В этой связи считаю необходимым законодательно закрепить данный принцип в УПК РФ.

Публичность как принцип уголовного судопроизводства, по мнению большинства процессуалистов, заключается в обязанности компетентных органов и их должностных лиц возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принятии предусмотренных законом мер к установлению фактических обстоятельств дела и виновных лиц, а также к их справедливому наказанию².

Понимание публичности практическими работниками также является достаточно многогранным. В частности, 12,2% опрошенных под публичностью понимают только обязанность правоохранительных органов в каждом случае обнаружения признаков преступления возбудить производство по делу; 21,3% к публичности относят обязанность принять все меры к установлению события преступления, лиц, виновных в их совершении, и также к их наказанию; 1,3% опрошенных рассматривают публичность исключительно как обязанность принятия мер к возмещению ущерба, причиненного лицу в результате совершения преступления; 0,2% практических работников усматривают в публичности необходимость применения принудительных мер медицинского характера; 5% лиц,

¹ См. подробнее: Алексеев С.С. Частное право. – М.: Статут, 1999. – С.24-27; Тихомиров Ю.А. Указ.соч. – С.21.

² См., напр.: Глушков А.И. Уголовный процесс. – М.: Издат. центр Академия; Мастерство; Высш. шк., 2000. – С.26-27; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. В.М. Савицкого, Б.Т. Безлепкина, П.А. Лупинской, И.Л. Петрухина. – М.: Проспект, 1999. – С.24-25.

участвовавших в анкетировании, в содержание публичности включают первые два указанных аспекта.

Однако такое узкое понимание принципа публичности не соответствует указанным целям уголовно-процессуальной деятельности. По моему мнению, принцип публичности – это основное, руководящее положение, в соответствии с которым компетентные органы и их должностные лица обязаны от имени государства во всех случаях обнаружения признаков преступления в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело, принять предусмотренные законом меры к установлению фактических обстоятельств дела, виновных лиц, их справедливому наказанию, возмещению ущерба, причиненного лицу в результате совершенного преступления, а также применению в необходимых случаях принудительных мер медицинского характера независимо от воли и желания заинтересованных лиц¹.

Такое понимание сущности рассматриваемого принципа не означает, что интересы лиц не учитываются при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Как совершенно справедливо подчеркивает Л.Н. Масленникова, принцип публичности выражает солидарность интересов государственной власти и частных лиц в достижении целей уголовного процесса².

Положения УПК РФ, регулирующие данные вопросы, вызывают серьезные замечания.

Во-первых, законодатель не пошел по пути расширительного толкования понятия публичности, так как возложил на прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя обязанность установления события преступления, а также изобличения лиц, его совершивших (ч.2 ст.21).

Во-вторых, публичность в таком ограниченном понимании не относится к принципам уголовного процесса. Более того, указанные выше должностные лица правоохранительных органов отнесены законодателем к участникам, выступающим в уголовном процессе со стороны обвинения, а выполнение возложенных на них обязанностей включается в такое направление их деятельности, как уголовное преследование.

Учитывая частные интересы, законодатель предусмотрел случаи, когда волеизъявление лиц имеет определенные юридические последствия. Речь идет о делах частного и частно-публичного обвинения, а также о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, производство по которым может быть в установленных

---

¹ Необходимо отметить, что именно такого подхода придерживаются 47% опрошенных практических работников.

² См.: Л.Н. Масленникова. Указ. соч. – С.25-26.

законом случаях возбуждено только по заявлению руководителя такой организации либо с его согласия.

В процессуальной литературе высказано мнение о том, что критерием дифференциации частного, частно-публичного и публичного обвинения, а также уголовного преследования является непосредственный объект преступного посягательства¹.

С этим мнением следует согласиться, т.к. в основе разграничения видов обвинения лежит необходимость обеспечения неприкосновенности охраняемой законом тайны, которая, в свою очередь, является одним из критериев, определяющих соотношение интересов². Указанный подход позволит установить разумный баланс охраняемых законом интересов в уголовном судопроизводстве, но не решит проблему определения критерия для соотношения публичных и частных уголовно-процессуальных интересов.

На мой взгляд, в уголовном процессе таким критерием должна выступать диспозитивность, т.е. возможность свободного распоряжения лицом своими материальными и процессуальными правами независимо от воли и желания иных лиц, когда осуществление таких прав обеспечивается соответствующими обязанностями государственных органов и их должностных лиц.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в уголовном судопроизводстве (в том числе и на стадии предварительного расследования преступлений) находят свое проявление государственные, общественные и частные интересы, причем, частные интересы состоят из индивидуальных и коллективных интересов.

Во-вторых, каждая из обозначенных классификационных групп включает в себя как непосредственно уголовно-процессуальные интересы, так и иные интересы, охраняемые законом.

В-третьих, публичность, являясь основой всего уголовного судопроизводства, определяющей не только его природу, но и влияющей на весь ход уголовно-процессуальной деятельности, выражает солидарность интересов в уголовном процессе. В этой связи публичность

---

¹ См. подробнее: Ковтун Н.Н. Указ. статья. – С.71; Смолькова И.В. Соотношение частных и публичных начал в уголовном процессе – методологическая основа определения оснований и пределов вмешательства правоохранительных органов в охраняемые законом тайны // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: Матер. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998.- С.78-79.

² См. подробнее: Смолькова И.В. Тайна и уголовно-процессуальный закон. – М.: Луч, 1997. – С.3.

должна быть отнесена к уголовно-процессуальным принципам и получить соответствующее самостоятельное законодательное закрепление.

В-четвертых, публичный интерес – это государственный интерес, а также подтвержденный государством и законодательно закрепленный общественный интерес как совокупность социально значимых частных интересов, не противоречащих государственному интересу.

В-пятых, можно выделить два самостоятельных критерия для разграничения сферы публичных и частных интересов:

- непосредственный объект преступного посягательства как критерий разграничения охраняемых законом интересов;
- элементы диспозитивности в уголовном судопроизводстве - как критерий разграничения уголовно-процессуальных интересов.

§2. Нравственные начала разрешения конфликтов между публичными и частными интересами в уголовном процессе на стадии предварительного расследования

Конфликты (их сущность, значение, виды, причины возникновения и развития) являлись объектом научного исследования философов, социологов, психологов, политологов, а также юристов. Однако интерес к данной проблеме не носил постоянного характера и получил заметное развитие лишь в последние годы. Более того, анализ специальной литературы по данному вопросу позволяет утверждать, что проблема нравственных начал разрешения конфликтов в уголовном судопроизводстве ставится впервые.

Исследование вопросов разрешения конфликтов в процессе невозможно без раскрытия их сущности, роли в развитии уголовно-процессуальных отношений, а также классификации, поэтому считаю необходимым остановиться на данных аспектах поставленной проблемы.

Большинство ученых рассматривают конфликт в виде динамичного явления и определяют его как столкновение сторон¹, форму отношений между субъектами социального действия², процесс принятия решения³, попытку достижения вознаграждения⁴, соперничество сторон⁵, реальную

¹ См.: Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. – М.: ВЛАДОС, 1999. – С.5; Козырев Г.И. Конфликтология. Социальный конфликт в общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – №1. – С.103.

² См.: Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С.96.

³ См.: Мендра А. Основы социологии. – М.: Изд. дом NOTA BENE, 1998. – С.279.

⁴ См.: Фролов С.С. Основы социологии. – М.: Юрист, 1997. – С.330.

⁵ См.: Драпкин Л.Я. Разрешение проблемных ситуаций в процессе расследования. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1985. – С.7.

борьбу⁶. Однако Л.И. Найденова при анализе предмета своего исследования основной акцент смещает в сторону итогов действий, определяя конфликт как результат нарушения равновесия в системе поведенческих актов людей¹. Л.И. Найденова обоснованно указывает на отсутствие возможности строго классифицировать и систематизировать причины конфликтов в стране, что, по ее мнению, обусловлено социокультурными особенностями самих конфликтов в России. Однако ученые, исследуя природу и сущность конфликтов, пытаются выделить наиболее распространенные причинно-следственные связи. При этом в качестве детерминант конфликтов они называют неравенство в обществе, депривационные состояния² (в том числе и в системе правоохранительных органов), различие ценностных ориентаций субъектов, идеологические причины и ряд других³. Несмотря на столь широкое разностороннее понимание причин возникновения и развития конфликтов, специалисты единодушны в том, что одной из них является несовпадение интересов участников общественных отношений. Однако в решении вопроса о взаимозависимости конфликтных ситуаций и интересов субъектов конфликта единство мнений отсутствует. С.С. Фролов в этой связи считает, что конфликт возникает всякий раз, когда лицо пытается достигнуть вознаграждения путем подчинения, навязывания своей воли, удаления или уничтожения противника, стремящегося получить то же вознаграждение⁴. Иными словами, участие лиц в конфликте обусловлено единством их интересов.

Большинство же ученых придерживаются мнения о детерминации конфликтов противоположностью интересов взаимодействующих субъектов и подчеркивают, что конфликты возникают под воздействием несовпадающих или противостоящих интересов⁵.

Безусловно, юридический конфликт обладает определенной спецификой. Так, В.Н. Кудрявцев полагает, что юридическим следует признать любой конфликт, в котором субъекты, мотивация их поведения либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт

⁶ См.: Социология / А.А. Радугин, К.А. Радугин. – М.: ВЛАДОС, 1995. – С.105-106.

¹ См.: Анцупов А.Я. Конфликтология / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С.193; Найденова Л.И. Социологические теории конфликтов и их разрешения // Социально-политический журнал. – 1994. – №1-2. – С.83.

² Под депривационными состояниями ученые понимают те, для которых характерно явное расхождение между ожиданиями и возможностями их удовлетворения.

³ См., напр.: Кичанова И.М. Конфликт: за или против. – М.: Молодая гвардия, 1978. – С.9; Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1991. – С.26; Фролов С.С. Указ. соч. – С.320-322.

⁴ Там же. – С. 330.

⁵ См., напр.: Баев О.Я. Указ. соч. – С.18; Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. – 1998. – №.8. – С.114.

влечет юридические последствия; определяющее значение в таких конфликтах принадлежит правовым нормам, от смысла и значения которых зависят действия участников правовых отношений¹. Исходя из указанной специфики юридических конфликтов как одного из видов социального конфликта, можно дать следующее определение уголовно-процессуального конфликта.

Уголовно-процессуальный конфликт – противоречие публичных и частных интересов в уголовном процессе, возникающее и развивающееся в связи с объективно существующими коллизиями между правовыми нормами, регулируемыми один и тот же предмет, а также несоответствием действующих правовых норм объективной реальности.

Раскрытие природы конфликта не исчерпывает рассмотрения поставленной проблемы. Еще одним вопросом, не получившим своего глубокого и всестороннего исследования, является классификация конфликтов, а также место уголовно-процессуального конфликта в системе конфликтов социальных и их соотношение с криминальными конфликтами.

Традиционно одним из оснований систематизации конфликтов выступает круг его участников. По указанному основанию все конфликты подразделяются на внутриличностные, межличностные, конфликты между личностью и обществом, между социальными группами, межгосударственные конфликты², конфликты между секторами общественного разделения труда, между культурами и типами культур³ и др. Помимо вертикальной классификации специалисты указывают на наличие системных связей по горизонтали в зависимости от целей сторон и сферы их деятельности. Несмотря на то, что уголовно-процессуальные конфликты являются частью социальных противоречий, применение к ним названных классификаций не позволяет учесть той специфики, которая присуща уголовно-процессуальным отношениям. В целях выделения объективно существующих особенностей изучения конфликтов в сфере осуществления процессуальной деятельности ученые пошли по пути формирования концепции конфликтного следствия, при этом, исследованию подвергались конфликты интересов следователя и обвиняемого (подозреваемого)⁴. Такой подход к анализу уголовного

¹ См.: Юридическая конфликтология / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Ин-т гос. и права РАН, 1995. – С.14-15.

² См. подробнее: Котов Д.П. Психология следователя / Д.П. Котов, Г.Г. Шиханцов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – С.26-30.

³ См. подробнее: Здравомыслов А.Г. Указ. соч. – С.105.

⁴ См., напр.: Баев О.Я. Указ. соч. – С.23-41. Указанная концепция явилась предметом серьезной критики в специальной литературе (см. подробнее: Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. – М.: БЕК, 1996. – С.102-103.

преследования приводит, с одной стороны, к нарушению нравственных норм и принципов, а, с другой стороны, направлен на отождествление криминального и уголовно-процессуального конфликтов, что, по моему мнению, нельзя признать приемлемым.

На мой взгляд, в совокупности конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования преступлений, можно выделить следующие классификационные группы:

- 1) конфликты между публичными и частными интересами, охраняемыми законом;
- 2) конфликты между публичными и частными уголовно — процессуальными интересами;
- 3) конфликты между публичными интересами, охраняемыми законом, и частными уголовно-процессуальными интересами;
- 4) конфликты между публичными уголовно-процессуальными интересами и частными интересами, охраняемыми законом;
- 5) конфликты между частными интересами.

Приведенная классификация не учитывает того, кто из участников процесса является носителем публичных или частных интересов, так как в противном случае систематизация всех конфликтов, возникающих на стадии предварительного расследования преступлений, превратилась бы в формальное перечисление возможных вариантов.

Выделение указанных классификационных групп обуславливает необходимость определения того, какие конфликты должны быть отнесены к каждой из них.

К конфликтам охраняемых законом публичных и частных интересов относятся те, которые вытекают из противоречий между правовыми нормами, закрепляющими отнесение отдельных категорий уголовных дел к делам частного, частно-публичного и публичного обвинения.

Во вторую классификационную группу включаются конфликты, обусловленные несоответствием отдельных процессуальных норм, направленных на защиту личности, ее прав и свобод, законодательно закрепленным задачам уголовно-процессуальной деятельности либо пробелами соответствующего правового регулирования. Так, ст.27¹ УПК РСФСР содержала норму, в соответствии с которой в установленных законом случаях привлечение к уголовной ответственности осуществлялось по заявлению руководителя организации или с его согласия. Однако уголовно-процессуальное законодательство не давало однозначного ответа на вопрос о статусе и объеме процессуальных прав руководителя юридического лица, обратившегося в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела либо давшего на то согласие. Указанная проблема не нашла своего разрешения и в УПК РФ.

К указанной группе можно, по моему мнению, отнести и конфликты, вытекающие из положений нового процессуального законодательства, не предоставляющего потерпевшему прямого права обжаловать постановление государственного органа или его должностного лица о прекращении уголовного дела по указанным в УПК нереабилитирующим основаниям. В отличие от УПК РФ, в УПК РСФСР содержались нормы, формально учитывающие мнение потерпевшего при прекращении производства по делу по одному из нереабилитирующих оснований (п.4 ст.6, п.4 ст.7, п.5 ст.209 УПК РСФСР). В частности, потерпевший имел право лишь обжаловать вынесенное постановление о прекращении производства по делу. Напротив, в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей прекращение производства по делу допускалось при отказе прокурора от обвинения, если отсутствовали возражения потерпевшего (п.2 ст.430 УПК РСФСР), что способствовало действительной реализации принципа состязательности на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Уголовный кодекс РФ, предусматривающий возможность привлечения к уголовной ответственности за совершение общественно-опасного деяния, содержит указание на объект преступного посягательства, который в большинстве случаев носит публично-правовой характер (преступления против общественной безопасности и общественного порядка – раздел IX, против государственной власти - раздел X, против военной службы – раздел XI и др.). Обеспечение защиты таких объектов, безусловно, образует предмет публичного интереса. В то же время действующее законодательство предоставляет гражданину право обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод в связи с примененным в конкретном деле или подлежащим применению законом (ч.1 ст.96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). По ранее действовавшему УПК РСФСР подача такой жалобы не являлась основанием для приостановления производства по делу, а положение ч.2 ст.98 Закона о Конституционном Суде закрепляет право, а не обязанность компетентных органов приостановить производство по уголовному делу до принятия решения Конституционным Судом.

В ходе принятия УПК РФ изменялись и подходы к урегулированию данного вопроса. Так, Проект УПК РФ, прошедший в Государственной Думе первое чтение (далее – Проект №1), в ч.2 ст.234 предусматривал возможность приостановления производства по делу в случае обращения гражданина в Конституционный Суд с жалобой, но это не приравнивалось к обязательному основанию приостановления производства по делу. После рассмотрения официального проекта Кодекса во втором чтении (далее – Проект №2) данное положение было исключено. Не нашло оно своего

закрепления и в УПК РФ. Следовательно, органы расследования не обязаны, но имеют право приостановить производство по конкретному уголовному делу в случае обращения кого-либо из участников процесса с соответствующей жалобой в Конституционный Суд РФ, но должны будут при этом руководствоваться не процессуальным законом, а Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, направление в Конституционный Суд жалобы может повлечь возникновение конфликта интересов, так как публичность возлагает на компетентные органы обязанность принять все меры к установлению события преступления и лиц, виновных в их совершении, а лицо, вовлеченное в орбиту уголовно-процессуальных отношений, вправе обратиться за защитой своих интересов в судебные органы. В последнем случае приостановление предварительного расследования может в определенной степени воспрепятствовать осуществлению реальной защиты охраняемых законом ценностей.

Для достижения целей уголовного судопроизводства в установленных законом случаях допускается возможность применения мер принуждения, что может повлечь возникновение в ходе предварительного расследования преступлений конфликтов между публичными уголовно-процессуальными интересами и частными интересами, охраняемыми законом.

Нравственная проблема допустимости уголовно-процессуального принуждения, применяемого при доказывании по уголовному делу в стадии предварительного расследования, может иметь дифференцированное решение в зависимости от того, к кому применяется принуждение. Одну группу составляют участники уголовного судопроизводства, в отношении которых начато уголовное преследование (обвиняемый, подозреваемый), ко второй группе относятся все остальные участники процесса.

На мой взгляд, применение уголовно-процессуального принуждения в отношении обвиняемого или подозреваемого будет нравственно оправданным, если оно является законным и обоснованным с точки зрения соблюдения требований УПК РФ.

Так, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. под законностью понимается соблюдение всех норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих порядок применения меры пресечения и продления срока ее действия, а под обоснованностью - наличие в представленных материалах сведений, в том числе о личности содержащегося под стражей, которые подтверждают

необходимость применения заключения под стражу в качестве меры пресечения или продления ее срока¹.

Если процессуальное принуждение, связанное с уголовным преследованием, применялось на законных основаниях к лицу, чья невиновность в последующем нашла свое доказательственное подтверждение, то нравственные требования обеспечения справедливости служат основой для восстановительных и компенсационных правоотношений¹.

Иные предпосылки имеет решение вопроса о нравственной обоснованности уголовно-процессуального принуждения в отношении участников предварительного расследования, которые не подвергаются уголовному преследованию (свидетель, потерпевший и т.д.).

Единственным нравственным обоснованием тех ограничений, которые несут свидетели, потерпевшие и третьи лица вследствие законного принуждения (например, освидетельствования), служит значимость задач уголовно - процессуальной деятельности (в том числе и на стадии предварительного расследования). Однако незаконное или необоснованное применение уголовно - процессуального принуждения к участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых не осуществляется уголовное преследование, не порождает ни восстановительных, ни компенсационных отношений, что следует признать существенным недостатком действующего законодательства. Названные действия являются основанием только для дисциплинарной, а при наличии состава преступления - уголовной ответственности соответствующего должностного лица органа предварительного расследования.

Таким образом, конфликты интересов в уголовном процессе носят дифференцированный характер и могут получить свое дальнейшее развитие, если не предпринимать мер к их разрешению. Данная проблема не нашла своего серьезного исследования в науке уголовно-процессуального права. Не являлись предметом научного анализа и нравственные начала разрешения конфликтов в уголовном процессе.

Социологи предлагают различные пути разрешения конфликтов. Среди них выделяют устранение причины конфликта, изменение установок участников конфликта, замена одного субъекта другим, истощение

---

¹ О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. – №3 // Практика Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. – М.: ДЕ-ЮРЕ, 1995. – С.52-56.

¹ См., напр.: Зыков В. Возмещение ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями // Российская юстиция. – 1999. – №2. – С.46; Руднев В. Возмещение ущерба при незаконном аресте // Российская юстиция. – 1997. – №12. – С.21.

ресурсов сторон, устранение одной стороны и другие². Специфика уголовно-процессуальных отношений, их развитие в строгом соответствии с положениями действующего законодательства детерминируют обусловленность способов разрешения конфликтов спецификой исторического развития общества³, поэтому не все способы разрешения социальных конфликтов могут найти свое применение на стадии предварительного расследования преступлений. На мой взгляд, в настоящее время законодатель использует следующие нравственно обоснованные пути нивелирования конфликтов, предложенные социологами:

- 1) обращение к третьей стороне;
- 2) замена одного субъекта другим;
- 3) компромисс интересов.

Процессуалисты предлагают несколько иные способы не только разрешения, но и предупреждения конфликтов. Во-первых, это глубокое осмысление природы и сущности интересов личности и общества в уголовном процессе. Во-вторых, развитие и совершенствование действующего уголовно-процессуального законодательства. В-третьих, это соблюдение норм процессуального законодательства и процессуальной формы при производстве по уголовному делу. В-четвертых – повышение правосознания следователя, его правовой идеологии, психологии и культуры¹.

На мой взгляд, нравственная проблема разрешения конфликтов в уголовном судопроизводстве может быть решена с учетом того, кто является участником возникшего противоречия и между какими интересами оно существует.

Так, по моему мнению, законодатель должен поощрять и стимулировать те конфликты, которые направлены на достижение целей всей уголовно-процессуальной деятельности. В таком свете представляются нравственно недопустимыми конфликты между интересами участников процесса, выступающих на стороне защиты, тем более, когда один из них представляет в деле интересы другого, например, между подозреваемым (обвиняемым) и защитником или гражданским ответчиком и его представителем². С другой стороны, имеют позитивное

² См., напр.: Козырев Г.И. Указ. соч. – С.16-17; Фролов С.С. Указ. соч. – С.319-320.

³ См. подробнее: Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. – С.105-137; Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: Равена, Альфа, 1995. – С.37-71.

¹ См. подробнее: О.Я. Баев Указ. соч. – С.34-37.

² См. подробнее: Некрасова М.П. Правовые и нравственно-психологические аспекты судебной защиты. – Калининград: Изд-во Калининград. ун-та, 1984. – С.32-42.

значение так называемые «конфликты обвинения», которые способствуют защите интересов потерпевшего³.

На мой взгляд, каждой группе конфликтов, возникающих между интересами в уголовном судопроизводстве, присущи свои способы разрешения. Однако строжайшее соблюдение норм уголовно – процессуального законодательства, выделенное О.Я. Бaeвым в качестве одного из путей решения и предупреждения противоречий, должно иметь место в случае возникновения конфликта независимо от его классификационной группы, но это не стоит рассматривать как действенный самостоятельный способ урегулирования конфликта интересов. Как совершенно обоснованно отметил Я.З. Хайкин, сама «правовая система носит характер конфликта»¹. В связи с этим следует отметить, что в целях урегулирования конфликтов необходимо совершенствование законодательства, осуществляемое по пути развития элементов диспозитивности, состязательности, детального закрепления правового положения участников уголовно-процессуальных отношений, а также расширения частных начал в уголовном процессе.

Так, при прекращении производства по делу по нереабилитирующим основаниям должна быть придана юридическая сила возражениям потерпевшего против соответствующей формы окончания предварительного расследования. Аналогичным образом следовало бы решить проблему приостановления производства по делу. Если потерпевший настаивает на проведении дополнительных следственных действий, исследовании новых представленных компетентным органам доказательств и возражает против приостановления предварительного расследования, то оно не может быть приостановлено ранее выполнения необходимых процессуальных действий.

Представляется, что законодателю следует также предусмотреть возможность более широкого применения такого способа разрешения конфликтов, как обращение к третьей стороне. В качестве последней может выступать суд или вышестоящее должностное лицо, что может повлечь за собой реализацию еще одного способа урегулирования противоречий – замену одного субъекта другим.

В тех случаях, когда разрешение конфликтов в пользу исключительно публичных или частных интересов может повлечь за собой нарушение иных интересов, законных прав и свобод участников процесса, самым оптимальным и нравственно допустимым следует признать такой способ, как достижение компромисса между интересами сторон.

³ См. подробнее: Юридическая конфликтология. ... – С.173-177.

¹ Хайкин Я.З. Структура и взаимодействие моральной и правовой систем. – М.: Высш. шк., 1972. – С.178.

Таким образом, на основе исследования специальной литературы и положений действующих нормативных актов можно сформулировать следующие выводы:

Уголовно-процессуальный конфликт – это один из видов социального конфликта, заключающийся в противоречии публичных и частных интересов в уголовном процессе, возникающем и развивающемся в связи с объективно существующими коллизиями между правовыми нормами, регулирующими один и тот же предмет, а также несоответствием действующих правовых норм объективной реальности.

Специфика процессуальной деятельности, осуществляемой в ходе предварительного расследования преступлений, не позволяет классифицировать уголовно-процессуальные конфликты по основаниям, предложенным социологами. В совокупности конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования преступлений, можно выделить следующие классификационные группы:

- конфликты между публичными и частными интересами, охраняемыми законом;
- конфликты между публичными и частными уголовно - процессуальными интересами;
- конфликты между публичными интересами, охраняемыми законом, и частными уголовно-процессуальными интересами;
- конфликты между публичными уголовно-процессуальными интересами и частными интересами, охраняемыми законом;
- конфликты между частными интересами.

В предложенной классификации не нашли своего отражения конфликты публичных уголовно-процессуальных интересов и иных публичных интересов, охраняемых законом, на основании чего можно сделать вывод о том, что действующая модель уголовного процесса в наибольшей мере отвечает потребностям охраны публичных, а не частных интересов. Например, УПК РФ не содержит норм императивного характера, обязывающих должностных лиц органов расследования отбирать от участников процесса подписку о неразглашении данных расследования в целях обеспечения сохранности тайны частной жизни граждан. Напротив, если в материалах дела имеются сведения, составляющие государственную тайну, то адвокат, не имеющий к ним допуска, обязан дать подписку об их неразглашении (ч.5 ст.49 УПК РФ).

Из всех путей разрешения конфликтов, выработанных социологами, в уголовном процессе находят свое проявление такие, как обращение к третьей стороне, замена одного субъекта другим, компромисс. Каждой классификационной группе присущи свои способы урегулирования конфликтов, однако наиболее эффективными представляются обращение к независимому арбитру, а также достижение компромисса. В этой связи

указанные методы разрешения противоречий между публичными и частными интересами должны получить свое дальнейшее развитие и детальное законодательное закрепление, что невозможно без внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство и совершенствования отдельных его положений.

§3. Нравственная обусловленность компромисса между публичными и частными интересами в уголовном процессе на стадии предварительного расследования

Идея компромисса в концепции уголовной политики, проводимой в Российской Федерации, возникла не случайно. Долгое время криминологи при исследовании проблем преступности указывали на необходимость борьбы с ней. Данная тенденция находит свое проявление и в настоящее время¹. Однако, как совершенно обоснованно отмечает И.В. Смолькова, уровень преступности и те возможности, которыми обладает правоохранительная система, пришли в состояние конфликта, когда последняя не справляется с подавляющим большинством поступающих сообщений о преступлениях². Иными словами, необходимо изменение концепции борьбы с преступностью в сторону внедрения механизмов ее контроля и сдерживания.

В свое время В.С. Соловьев определил право, как исторически-подвижное необходимое принудительное равновесие двух нравственных интересов – личной свободы и общего блага³. В свете тех сложностей, с которыми сталкивается законодатель и правоприменитель в установлении баланса не только публичных и частных интересов, но и равновесия свободы и равенства, лежащих в основе соблюдения прав человека⁴, представляются достаточно актуальными исследования тенденций развития и изменения механизмов осуществления уголовно-процессуальной деятельности, так как «уголовный процесс ... должен обеспечить способ, который разрешает конфликт, стимулирует честность процесса, а также надежность его результатов»⁵.

Несмотря на актуальность данной проблемы, она до сих пор не нашла должного отражения в специальной литературе, а нравственная обусловленность компромисса не выступала в качестве самостоятельного предмета научного исследования.

¹ См., напр.: Криминология / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994.

² См. подробнее: Смолькова И.В. Реализация идеи компромисса в уголовном процессе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. мат. науч.-практ. конф. Часть 2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России. – 2000. – С.137-139.

³ См. подробнее: Бирюков Е. Закон не должен быть безнравственным (Вл. Соловьев о праве и нравственности) // Российская юстиция. – 1994. – №6. – С.33.

⁴ См. подробнее: Права человека: итоги века, тенденции и перспективы // Государство и право. – 2001. – №5. – С.89.

⁵ Махов В.Н. Юристы США о моделях уголовного процесса / В.Н. Махов, М.А. Пешков // Юрист. – 1999. – №2. – С.43.

Анализ поставленного вопроса обуславливает потребность определения того, что следует считать компромиссом. В юридической литературе указанное понятие используется достаточно часто, но ученые-правоведы практически не уделяют внимания его характеристике, в связи с чем представляется необходимым обратиться к знаниям иных общественных наук.

Так, психологи отождествляют компромисс с особой моделью реагирования на конфликт, в которой выражены элементы обоих компонентов конфликта, смешение подавленных импульсов и подавляющих факторов¹. При этом, подавление есть произвольное сознательное устранение некоторого поведения (как своего, так и чье-либо)².

По моему мнению, именно в таком аспекте может быть использовано понятие компромисса как одного из способов разрешения конфликта интересов в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что иногда компромисс рассматривается как соглашение, достигнутое путем взаимных уступок³, такое определение, на мой взгляд, неприменимо к анализу уголовно-процессуальной деятельности. Это связано с присущей ей спецификой, заключающейся, в первую очередь, в характере складывающихся процессуальных отношений (власть-подчинение), когда компетентные органы и их должностные лица от имени государства ведут предварительное расследование преступлений и оказывают в ряде случаев определенное влияние на возможность реализации процессуальных прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс будут противоречить как цели уголовного судопроизводства, так и таким принципам нравственности, как справедливость, честность и равенство.

Впервые идея компромисса в концепции российской уголовной политики была высказана Х.Д. Аликуперовым, считающим, что бескомпромиссная борьба с преступностью не гарантирует должного нравственно-психологического климата в обществе и снижения социальной напряженности, не обеспечивает защиты граждан от преступных посягательств, а также не согласуется с представлениями о праве как категории не только юридической, но и политической⁴.

Рассмотрение вопроса о нравственной обусловленности компромисса предполагает определение того, в каком виде возможна его реализация на стадии предварительного расследования преступлений.

¹ Большой толковый психологический словарь. Т.1. – М.: Вече, 2000. – С.363.

² Большой толковый психологический словарь. Т.2. – М.: Вече, 2000. – С.56.

³ Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1979. – С.248.

⁴ См. подробнее: Аликуперов Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Государство и право. – 1991. – №12. – С.79-86.

Как уже было отмечено ранее, первой группой конфликтов являются противоречия между публичными и частными интересами, охраняемыми законом. Наиболее остро они проявляются при решении вопроса об отнесении отдельных категорий дел к делам частного, частно-публичного и публичного обвинения.

В свете нравственных начал разрешения конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования, наибольший интерес представляют выводы, которые сформулировал Л.Я. Таубер, уделивший основное внимание теориям, лежащим в основе выделения дел частного обвинения.

Во-первых, это теория *delicta privata*, согласно которой за совершение некоторых общественно-опасных деяний наказание осуществляется исключительно в интересах потерпевшего¹.

Во-вторых, ряд высказанных процессуалистами точек зрения был объединен Л.Я. Таубером в единую теорию идеального блага.

Ее представители исходят из того, что в ряде случаев без содействия потерпевшего невозможно определить, пострадало ли защищаемое государством благо или нет.

Третьей теорией, выделенной Л.Я. Таубером, является теория пощады потерпевшему, в основе которой лежит идея об отказе государства от уголовного преследования всякий раз, когда оно может принести больший вред потерпевшему, чем безнаказанность совершенного общественно-опасного деяния².

Л.Я. Таубер утверждал, что в основе последней теории лежит представление о конфликте двух интересов – интереса государства, требующего преследования данного деяния, и интереса потерпевшего³. По его мнению именно такой подход позволит наиболее оптимально разграничить официальные преступления (т.е. те, которые преследуются в публичном порядке) от неофициальных, как абсолютных (дел частного обвинения), так и относительных (дел частно-публичного обвинения).

В настоящее время проблемы, связанные с реализацией отдельных положений процессуального законодательства, регулирующего вопросы частного и частно-публичного обвинения, по-прежнему остаются актуальными. Так, в процессуальной литературе находит свое отражение не только критический анализ норм уголовно-процессуального права,

¹ Критический анализ основных положений данной теории был осуществлен И. Щегловитовым, утверждавшим, что подсудимый всегда наказывается в интересах государства, а вовсе не ради частных интересов потерпевшего (См. подробнее: Щегловитов И. Уголовно-частный порядок преследования по судебным уставам // Юрид. вестник. – 1889. – Т. II. – Кн. 1. – С. 77.).

² См. подробнее: Таубер Л.Я. Жалоба потерпевшего при преступлениях неофициальных. – Харьков: Тип. и литография М. Зильберберг и С-вья, 1909. – С. 335-373.

³ См.: Там же. – С. 359.

закрепляющих порядок производства по делам частного обвинения, но и сравнительно-исторический¹, позволяющий раскрыть тенденции развития института частного обвинения. Кроме того, процессуалистами исследуется институт частного обвинения как один из видов дифференцированных производств², дается характеристика жалобы потерпевшего по делам частного обвинения как уголовного иска³, раскрывается статус частного обвинителя в свете возможного введения в процессуальное законодательство института субсидиарного уголовного иска⁴. Несмотря на столь широкое освещение различных аспектов реализации института частного обвинения, проблема определения критерия его выделения (наряду с институтом частно-публичного обвинения) остается крайне актуальной и малоисследованной.

На мой взгляд, правильное установление данного критерия позволит разрешить конфликт публичных и частных интересов в уголовном процессе не только наиболее оптимальным, но и нравственно допустимым образом. В связи с этим следует отметить, что некоторые процессуалисты по-прежнему придерживаются теории идеального блага. С их позиции в ряде случаев трудно решить вопрос о наличии состава преступления и степени его общественной опасности без учета субъективного мнения потерпевшего, когда такое преступление посягает на права граждан, их честь, личное достоинство и здоровье. Данную точку зрения разделяет, в частности, Л. Н. Масленникова, подчеркивая, однако, что в основе выделения дел о преступлениях, преследуемых в частном и частно-публичном порядке, лежит не только объект преступного посягательства, но и категория совершенного общественно-опасного деяния⁵.

¹ См., напр.: Гончарова А.Н. Дела частного обвинения в уголовном законодательстве Союза СССР // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Часть.1. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С.98-111.

² См. подробнее: Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, Т.В. Ленский, Т.В. Трубникова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С.172-180, 247-251.

³ См., напр.: Лавдаренко Л.И. Уголовное преследование как уголовный иск // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: Сб. матер. науч.-практ. конф. Часть2. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России. – 2000. – С.88-90; Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 1999. – С.8-9; Шабанов Н., Петрова Н. Тернистый путь дел частного обвинения // Российская юстиция. – 1998. – №5. – С.27.

⁴ См. подробнее: Александров А.С. Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. – 2000. – №3. – С.75-83.

⁵ См. подробнее: Масленникова Л.Н. К вопросу о расширении перечня дел частно-публичного обвинения // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.1. Часть.1. – Красноярск: Сибирский юрид. ин-т МВД России, 1999. – С.146-153.

Сторонником смешанной концепции пощады потерпевшему и идеального блага является В.В. Дорошков, называющий в качестве оснований выделения дел частного обвинения такие, как особая природа преступлений, небольшая общественная опасность, возможность освобождения правонарушителя от уголовной ответственности с целью не причинения еще большего вреда пострадавшему и ряд других¹.

Соглашаясь в целом с выводами, сформулированными процессуалистами по поводу рассматриваемого вопроса, считаю необходимым обратить внимание на то, что авторы основной акцент в своих исследованиях делают на результатах, а не причинах, детерминировавших существование процессуальных институтов частного и частно-публичного обвинения. В Словаре русского языка причина рассматривается как явление, вызывающее возникновение другого явления². На мой взгляд, в качестве такого явления выступает тенденция обеспечения интересов потерпевшего в уголовном процессе, когда необходимо в первую очередь гарантировать реализацию его прав и свобод, компенсацию причиненного ущерба, а не осуществить карательную функцию по отношению к лицу, виновному в совершении преступления. Действительно, такой подход является наиболее удачным сочетанием теории идеального блага и пощады потерпевшему, но наряду с ними учитывает также провозглашенные в Конституции РФ приоритет прав и свобод личности (ст.2), неприкосновенность частной жизни граждан (ч.1 ст.23), тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч.2 ст.23), неприкосновенность жилища (ст.25) и может быть охарактеризована как **теория приоритета частных интересов потерпевшего**. Указанная теория должна исходить из того, в состоянии ли лицо, пострадавшее в результате совершения преступления, самостоятельно собрать доказательства по делу и представить их в орган или его должностному лицу, ведущему производство по делу. Таким образом, конфликт охраняемых законом публичных и частных интересов может быть, по моему мнению, разрешен путем расширения перечня дел, производство по которым осуществляется в частном и частно-публичном порядке. Как совершенно обоснованно в этой связи отмечал А. Квачевский, обвинение не может быть отдано в безграничное обладание ни частного, ни публичного обвинителя³.

В связи с этим, представляется небезынтересным обратиться к тенденциям развития института частного и частно-публичного обвинения на примере Проектов УПК РФ.

¹ См. подробнее: Дорошков В.В. Частное обвинение: правовая теория и судебная практика. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – С.22-23.

² Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. ... – С.603.

³ См.: Квачевский А. Указ.соч. – С.173-174.

Так, Проект №1 традиционно решал вопрос об определении круга составов преступлений, относимых к делам частного обвинения. Это дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (побои), 129 ч.1 (клевета без квалифицирующих признаков) и 130 (оскорбление)¹. Таким образом, авторы Проекта не учли высказанное в специальной литературе предложение о включении в категорию дел частного обвинения дел о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.131 УК РФ². Сторонники данной позиции руководствовались тем, что при изнасиловании – также как и по делам частного обвинения – крайне важно субъективное мнение потерпевшей о том, стала ли она жертвой преступного посягательства. Без ее решения следствие зачастую не может дать правильную оценку деянию и привлечь виновного к уголовной ответственности. Таким образом, предполагается, что причины для выделения дел частного и частно-публичного обвинения отчасти совпадают. Поэтому и основные характеристики процессуального положения потерпевших должны быть в определенной мере схожи.

С такой позицией трудно согласиться. Закон охраняет тайну интимной жизни потерпевшей, устанавливая, что уголовные дела об изнасиловании по ст.131 ч.1 УК РФ возбуждаются только по ее жалобе. Однако, будучи возбужденным, дело не подлежит прекращению за примирением обвиняемого с потерпевшей. Подобным образом законодатель охраняет не только интересы и половую неприкосновенность женщины, но и установившийся социальный уклад половых отношений в обществе.

Также без внимания в Проекте №1 и Проекте №2 осталось предложение об отнесении к делам частного обвинения некоторых из уголовных дел, производство по которым осуществляется в традиционном порядке. Например, дела о преступлениях, предусмотренных ч.1 ст.158 УК РФ (кража без квалифицирующих обстоятельств), ч.1 ст.121 УК РФ (заражение венерической болезнью без квалифицирующих обстоятельств), а также некоторые иные категории дел, где, по мнению отдельных специалистов, частный интерес дороже публичного³.

В Проекте №1 в неизменном виде был сохранен перечень преступлений, дела по которым отнесились к категории дел частно-публичного обвинения (ст.131ч.1 – изнасилование без квалифицирующих

¹ Необходимо отметить, что Проект УПК РФ, разработанный Государственно-правовым управлением при Президенте РФ, напротив, существенно расширил перечень таких категорий преступлений, включив в него 36 составов преступлений (ст.55)

² См.: Яни П. Возможно ли примирение по делам об изнасиловании? // Социалистическая законность. – 1991. – №10. – С.22-23.

³ См., напр.: Петрухин И.Л. Указ. статья. – С.25.

признаков, ст.146 ч.1 – нарушение авторских и смежных прав без квалифицирующих признаков, а также ст.147 ч.1 – нарушение изобретательских и патентных прав без квалифицирующих признаков). Вместе с тем, необходимо отметить, что УПК РФ, сохранив без изменений перечень составов преступлений, производство по которым может осуществляться только в частном порядке, расширил перечень дел частного-публичного обвинения, включив в него дела о преступлениях, предусмотренных отдельными статьями УК РФ (ч.1 ст.131, ч.1 ст.136, ч.1 ст.137, ч.1 ст.138, ч.1 ст.139, ст.145, ч.1 ст.146, ч.1 ст.147).

На мой взгляд, проблема отнесения к делам частного и частного-публичного обвинения отдельных составов преступлений может быть решена с учетом следующих обстоятельств, лежащих в основе теории приоритета интересов потерпевшего:

- 1) специфика объекта преступного посягательства;
- 2) большое значение субъективного мнения потерпевшего;
- 3) необходимость обеспечения неприкосновенности частной жизни граждан;
- 4) особый характер взаимоотношений потерпевшего и лица, совершившего общественно-опасное деяние;
- 5) особая роль потерпевшего в формировании доказательственной базы.

С учетом изложенного, считаю, что в частном порядке следует осуществлять производство по делам о преступлениях, предусмотренных ст.115 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст.116 (побои), ч.1 ст.129 (клевета), ст.130 (оскорбление), ч.1 ст.137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ч.1 ст.138 (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений), ч.1 ст.139 (нарушение неприкосновенности жилища), ст.155 (разглашение тайны усыновления (удочерения), ч.1 ст.272 (неправомерный доступ к компьютерной информации).

В категорию дел частного-публичного обвинения, по моему мнению, необходимо включить: ч.1 ст.121 (заражение другого лица венерической болезнью), ч.1. ст.122 (заведомое поставление другого лица в опасность заражения ВИЧ-инфекцией), ч.1. ст.131 (изнасилование без квалифицирующих обстоятельств), ч.1 ст.132 (насильственные действия сексуального характера), ст.133 (понууждение к действиям сексуального характера), ч.1 ст.146 (нарушение авторских и смежных прав), ч.1 ст.147 (нарушение изобретательских и патентных прав), ч.1 ст.158 (кража), ч.1 ст.165 (причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием), ч.1 ст.166 (неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения), ч.1 ст.167 (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества), ч.1

ст.168 (уничтожение или повреждение имущества по неосторожности), ч.1 ст.183 (незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну). Кроме того, к категории дел частного-публичного обвинения также могут быть отнесены дела против интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.201-204 УК РФ).

Идея компромисса интересов в уголовном процессе не исчерпывается расширением перечня дел частного и частного-публичного обвинения. По моему мнению, компромисс допустим и при разрешении конфликта между публичными и частными уголовно-процессуальными интересами, что возможно путем расширения диспозитивных начал, а также сферы реализации института примирения в уголовном процессе.

Наиболее остро эта проблема стоит при осуществлении уголовного преследования по делам частного и частного-публичного обвинения. Так, УПК РСФСР ограничивал диспозитивное начало, допуская возбуждение уголовного дела частного или частного-публичного обвинения по усмотрению прокурора в случаях, когда он считал, что дело имеет особое общественное значение или потерпевший не может самостоятельно защищать свои права и законные интересы в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам. В указанных случаях наличия жалобы потерпевшего не требовалось.

Данное право прокурора, на что указывали специалисты¹, необоснованно расширяло публичное начало уголовного процесса, так как защита прав потерпевшего прокурором перерастает в свою противоположность – игнорирование законных интересов психически здорового, дееспособного потерпевшего, хотя бы и находящегося в беспомощном состоянии.

Проект №1 предложил сузить права прокурора по возбуждению уголовных дел. Так, в соответствии с ч.4 ст.25 Проекта прокурор мог возбудить уголовное дело только о преступлениях по делам частного-публичного обвинения. Иными словами, независимо от того, находится ли лицо в беспомощном состоянии, в состоянии зависимости от виновного или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами, а также независимо от того, затрагиваются ли существенные интересы государства и общества, прокурор не мог самостоятельно возбудить производство по делу частного обвинения. Авторы Проекта №1 исходили из позиции признания безусловного права лица на решение вопроса о целесообразности привлечения виновного к уголовной ответственности либо сохранения тайны частной жизни, которая относится к области, не подлежащей контролю со стороны

¹ См.: Там же. – С.24; Щербаков А. Ограничить право прокурора возбуждать дела частного обвинения // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С.50-51.

государства. Это означает, что в принятии решения о необходимости обращения к государству в лице его компетентных органов за защитой своих нарушенных прав лицо независимо, в том числе и от прокурора.

В ч.4 ст.20 Проекта №2 в целях защиты прав и законных интересов граждан была закреплена возможность возбуждения уголовных дел частно-публичного обвинения в отсутствие жалобы потерпевшего не только прокурором, но и следователем, а также дознавателем, которые, однако, могли реализовать указанное полномочие только с разрешения прокурора.

Более широкие возможности возбуждения уголовных дел без волеизъявления пострадавшего законодательно закреплены в ч.4 ст.20 УПК РФ, в соответствии с которой прокурор, следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе возбуждать производство не только по делам частно-публичного, но и частного обвинения.

На мой взгляд, в свете общего назначения уголовного процесса, право возбуждения уголовных дел без заявления потерпевшего должно быть сохранено по делам частно-публичного обвинения.

В ч.4 ст.20 УПК РФ указаны основания, при которых должностное лицо органа уголовного преследования во всяком случае обнаружения признаков преступления может возбудить уголовное дело, не являющееся делом публичного обвинения. В частности, подчеркивается, что уголовное дело может быть возбуждено без заявления потерпевшего, если преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами. На практике, прокуроры возбуждают уголовные дела без заявления потерпевшего, если последним является несовершеннолетнее или малолетнее лицо. Как представляется, указанные основания сформулированы не достаточно конкретно. В связи с этим в законе необходимо четко установить критерии такого ограничения прав граждан.

УПК РСФСР (ч.4 ст.27) предоставлял прокурору право в любой момент (независимо от наличия или отсутствия на то согласия потерпевшего) вступить в производство по делу о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 129 частью 1 и 130 УК РФ. Такое дело не могло быть прекращено по основанию, предусмотренному п.6 ч.1 ст.5 УПК РСФСР (за примирением потерпевшего с обвиняемым). В УПК РФ указанное правило изменено. Так, ч.3 ст.21 УПК РФ закрепляет право прокурора осуществлять уголовное преследование по делам частного и частно-публичного обвинения независимо от волеизъявления потерпевшего. Однако в ч.4 ст.318 УПК РФ подчеркнуто, что вступление прокурора уголовное дело не влечет за собой лишения сторон права на примирение.

В соответствии с ч.3 ст.20 УПК РФ уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, но прекращению за примирением сторон не подлежат в безусловном порядке. Таким образом, одним из наиболее существенных отличий дел частного и частного-публичного обвинения является невозможность безусловного прекращения производства по делу за примирением потерпевшего с обвиняемым. С одной стороны, производство только по делам частного обвинения подлежит прекращению за примирением сторон. С другой стороны, ст.25 УПК РФ, так же как и УПК РСФСР (ст.9), предусматривает возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой тяжести и загладившего причиненный потерпевшему ущерб, если есть на то заявление потерпевшего, а также согласие прокурора. Однако новый процессуальный закон распространяет указанную возможность не только на дела о преступлениях небольшой, но и средней тяжести.

Небезынтересно отметить, что в результате проведенного мною интервьюирования работников правоохранительных органов были получены следующие данные: большинство практических работников (38% опрошенных) указывают, что именно прокурор должен давать согласие на прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям; 9,5% лиц считают целесообразным передать данное право начальнику следственного отдела или начальнику органа дознания; 20,5% - суду; 18,8% придерживаются мнения о том, что право следователя прекращать дело по нереабилитирующему основанию должно быть безусловным.

Видимо, авторы УПК РФ не пошли по пути существенного расширения института частного обвинения, полагая, что воля потерпевшего может быть принята во внимание более чем по 150 статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления небольшой тяжести. На данную причину традиционного подхода к институту частного обвинения указывается и в специальной юридической литературе¹. Необходимо иметь в виду, что рассматриваемая норма определенным образом дополняет положение, закрепленное в ч.2 ст.20 УПК РФ. Применительно к делам частного обвинения примирение лица, совершившего преступление, с потерпевшим является безусловным основанием прекращения производства по делу, а освобождение этого лица от уголовной ответственности – обязательным. Что касается иных преступлений небольшой тяжести и средней тяжести, то освобождение от уголовной ответственности за их совершение возможно по усмотрению

---

¹ См, напр.: Дорошков В. Судопроизводство по делам частного обвинения // Российская юстиция. – 1995. – №9. – С.24.

компетентных органов с учетом всего комплекса обстоятельств совершения преступления и личности виновного².

На мой взгляд, дифференциация форм обвинительной деятельности по-прежнему сохраняет условный характер. УПК РФ предусматривает, что уголовное преследование и обвинение в суде осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления (ч.1 ст.20).

Однако характер совершенного преступления учитывается при выделении преступлений небольшой, средней тяжести, тяжких и особо тяжких, а анализ тяжести преступлений, производство по которым осуществляется в частном или частно-публичном порядке, позволяет сформулировать вывод о несоответствии данной классификации форм обвинения ее основанию, так как, например, преступления, предусмотренные ч.1 ст.146, ч.1 ст.147 УК РФ и обвинение по которым осуществляется в частно-публичном порядке, являются, тем не менее, преступлениями небольшой тяжести, как и дела о преступлениях частного обвинения.

Учитывая указанные противоречия, считаю целесообразным и нравственно обоснованным внесение корректив в нормы, регулирующие институт примирения. В настоящее время среди ученых-процессуалистов отсутствует единство взглядов на природу примирения. Так, Х.Д. Аликперов отождествляет примирение с отказом потерпевшего от поданного заявления либо с подачей им заявления о прекращении производства по делу, т.е. рассматривает примирение как односторонний акт, учитывающий только волеизъявление самого потерпевшего. Однако, по моему мнению, следует согласиться с Н. Смирновым, считавшим, что примирение это «акт, предполагающий обоюдное примирительное соглашение обиженного с обидчиком и посему одностороннее заявление обиженного о примирении... является актом... отречения или отказа от обвинения»¹. В таком свете представляется необходимым расширить перечень нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования, включив в него такое, как отказ потерпевшего от обвинения.

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что зачастую за примирением потерпевшего с обвиняемым прекращаются уголовные дела при отсутствии предусмотренных в законе оснований, однако, подпадающие под понятие отказа потерпевшего от обвинения. На практике ходатайства потерпевших о прекращении производства по делу обосновываются фактом реального примирения. Более того, лишь в 2,3%

---

² См. подробнее: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1996.- С. 157-158.

¹ Смирнов Н. Указ. соч. – С.95.

изученных автором дел, прекращенных за примирением сторон, прямо указано на возмещение вреда, что является одним из обязательных условий прекращения производства по делу по указанному основанию, а в остальных 97,7% случаях дела прекращены на основании одного заявления потерпевшего, содержащего указание на нежелание привлекать виновного к уголовной ответственности.

В этой связи, в силу небольшой общественной опасности преступлений, производство по которым осуществляется в частном порядке, а также особой природы объекта преступного посягательства и большой роли потерпевшего в собирании доказательств по делу, указанное основание также должно носить безусловный характер по делам частного обвинения. В случае отказа потерпевшего от обвинения по делам о преступлениях небольшой тяжести, преследуемых в частно-публичном порядке, для придания ему правового значения следует предусмотреть согласие прокурора после выяснения им причин и мотивов такого отказа.

Примирение как самостоятельный правовой институт также должен найти более широкое применение и рассматриваться как безусловное основание прекращения производства по делам частного обвинения и по делам о преступлениях частно-публичного обвинения небольшой тяжести. В указанную группу подпадают дела о преступлениях, перечисленных в следующих статьях УК РФ:

- ч.1 ст.121 – заражение венерической болезнью;
- ч.1 ст.122 – заражение ВИЧ-инфекцией;
- ст.133 – понуждение к действиям сексуального характера;
- ч.1 ст.146 – нарушение авторских и смежных прав;
- ч.1 ст.147 – нарушение изобретательских и патентных прав;
- ч.1 ст.165 – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием;
- ч.1 ст.167 – умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества;
- ч.1 ст.168 – уничтожение или повреждение имущества по неосторожности;
- ч.1 ст.183 – незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну;
- ч.1 ст.204 – коммерческий подкуп.

По делам об иных преступлениях, преследуемых в частно-публичном порядке, примирение может иметь место только с согласия прокурора (так, как это предусмотрено положениями действующего процессуального законодательства).

Рассмотренные предложения обусловлены тем, что долгое время основное внимание процессуалистов было обращено на статус обвиняемого, его права и свободы. Так, еще М.В. Духовской подчеркивал,

что наряду со всеми лицами особое положение отводится подсудимому: «в прежнем процессе это бесправный объект исследования, теперь это, доколе виновность его не доказана, прежде всего полноправный гражданин страны»¹. В настоящее время, несмотря на все большее внимание, уделяемое процессуалистами статусу потерпевшего, его правам и роли на стадии предварительного расследования², потерпевший по-прежнему не может самостоятельно реализовать ряд своих прав. Следовательно, потребности пострадавших не находят должного удовлетворения³, так как в событии преступления выделяют в первую очередь отношения виновного с государством, а не с потерпевшим. Поэтому учет в максимальной степени мнения потерпевшего, восстановление его прав, а также компенсация причиненного ущерба необходимы для реализации нравственных начал в уголовном процессе, исходящих из потребности соблюдения законных интересов личности в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Еще одной не менее актуальной проблемой, связанной с реализацией идеи компромисса на стадии предварительного расследования, является идея законодательного закрепления и развития института сделок о признании вины. Несмотря на то, что в процессуальной литературе данному вопросу уделяется достаточно пристальное внимание, о его сущности высказаны различные точки зрения. Так ряд процессуалистов считает, что природа сделок о признании вины свойственна таким известным российскому процессуальному законодательству институтам,

---

¹ Цит. по: Духовской М.В. Русский уголовный процесс. – М.: Склад изд. в кн. складе М.В.Клюкина, 1910. – С.162.

² См., напр: Власов А. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. – 2000. – №2. – С.40-42; Горленко Е.Е. Гарантии процессуальных прав лиц с психическими отклонениями на предварительном следствии. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – С.11; Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. – 2002. – №9. – С.51-52; Кулаков Д. Процессуальная защита свидетелей и потерпевших // Законность. – 2000. – №4. – С.35-37; Осипкин В. В защиту прав потерпевшего // Законность. – 2000. – №2. – С.34-35.

³ См. подробнее: Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание.- М.: Судебно-правовая реформа, 1998. – С.67; Карнозова Л. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, М. Флямер // Российская юстиция. – 2000. – №11.- С.42-43.

как примирение сторон и деятельное раскаяние⁴. Другие, напротив, указывают на то, что данные институты не тождественны друг другу⁵.

Вопрос о содержании сделок о признании вины также относится к разряду дискуссионных. Практически все ученые, так или иначе затрагивающие в своих работах данную проблему, указывают, что это соглашение сторон, своеобразный договор, который влечет за собой освобождение от уголовной ответственности или ее смягчение¹, сокращенное судебное следствие² либо и то, и другое³.

Большинство авторов единодушны в вопросе о позитивном значении реализации сделок о признании вины в рамках российского уголовного процесса. Однако отраженные в специальной литературе положительные характеристики, данные учеными сделкам о признании вины, подверглись серьезной критике со стороны их противников, основанной на том, что такие соглашения между сторонами могут нанести вред обществу в целом, страдающему от преступности, а также приведут к нарушению общих принципов права⁴.

Действительно, Российская Федерация в отличие от многих европейских государств не достигла должного уровня правовой культуры и достаточной регламентации уголовного процесса, при которой реализация всех необходимых процессуальных гарантий была бы четко обеспечена. Вместе с тем, следует учитывать то обстоятельство, что правоохранительные органы, осуществляющие уголовное преследование, не справляются с валом преступности. В такой ситуации постановка

⁴ См., напр.: Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. – 1999. – №5. – С.40-41; Морозова И. Сделки о признании вины как вариант мирового соглашения / И. Морозова, А. Анненков, С. Дадонов // Российская юстиция. – 2000. – №10. – С.37.

⁵ См., напр.: Милицин С. Сделки о признании вины: возможен ли российский вариант? // Российская юстиция. – 1999. – №12. – С.41-42.

¹ См. подробнее: Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. – 1998. – №10. – С.35-37; Российская юстиция. – 1998. – №11. – С.35-37.

² См. подробнее: Махов В.Н. Уголовный процесс США (досудебные стадии) / В.Н. Махов, М.А. Пешков. – М.: ЗАО Бизнес-школа, Интел-Синтез, 1998. – С.168; Кашепов В. О приоритетах в законодательстве об уголовном судопроизводстве // Уголовное право. – 1998. – №3. – С.49; Пешков М. Правовое регулирование и практика применения «сделок о признании вины» в уголовном процессе США // Юрист. – 1998. – №6. – С.57-62.

³ См. подробнее: Ковалев В. Сделки в уголовном процессе США // Социалистическая законность. – 1985. – №8. – С.74.

⁴ См. подробнее: Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевшего // Российская юстиция. – 2001. – №5. – С.37-38; Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. – 2001. – №5. – С.35-37.

проблемы борьбы с преступностью становится некорректной, а для контроля и сдерживания преступности необходимо принятие новых компромиссных механизмов взаимодействия, к которым относится и процессуальный институт сделок о признании вины.

Безусловно, необдуманное внедрение в российскую правоприменительную практику таких сделок может повлечь крайне негативные последствия, поэтому необходимо исследовать положительный зарубежный опыт и учесть его при осуществлении соответствующей законодательной регламентации.

Как было отмечено выше, вопрос о наличии нравственных характеристик процессуальной деятельности не может быть решен безотносительно к конкретным экономическим, политическим, социальным, культурным и иным условиям существования и развития общества на определенном временном этапе. В связи с этим, введение в настоящее время сделок о признании вины в российский уголовный процесс является, на мой взгляд, если не нравственно допустимым, то нравственно оправданным при соблюдении ряда условий:

- во-первых, нормы, регулирующие правила заключения сделок о признании вины, не должны противоречить соответствующим нормам, закрепляющим условия примирения сторон и деятельного раскаяния. В целях достижения соответствия указанных норм, а также учета в максимальной степени интересов потерпевшего необходимо распространить действие сделок о признании вины только на те категории преступлений, по которым закон не предусматривает примирения сторон либо деятельного раскаяния;

- во-вторых, заключение такой сделки не должно влечь за собой освобождение от уголовной ответственности, а только ее смягчение, и может рассматриваться как определенное поощрение для лиц, совершивших общественно-опасное деяние, но сотрудничающих с правоохранительными органами¹;

- в-третьих, на сферу реализации сделок о признании вины необходимо распространить судебный контроль²;

- в-четвертых, при заключении соответствующего соглашения недопустим отказ обвиняемого от каких бы то ни было конституционных гарантий.

¹ См. подробнее: Брусницын Л. Поощрение за сообщения о преступлениях // Законность. – 2000. – №2. – С.32-33.

² Некоторые процессуалисты указывают также на необходимость распространения судебного контроля на случаи примирения сторон либо отказа лица от обвинения (См., напр.: Шамардин А. Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция. – 2001. – №2. – С.60-61).

При соблюдении указанных ограничений возможно распространение института сделок о признании вины не только на судебное производство (Глава 40 УПК РФ), но и на досудебные стадии уголовного процесса.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

Развитие идеи компромисса на стадии предварительного расследования предполагает:

1. Дальнейшее расширение на законодательном уровне перечня дел частного и частно-публичного обвинения.

2. Развитие института примирения потерпевшего с обвиняемым. Примирение в таком аспекте следует рассматривать как безусловное основание прекращения производства по делам частного обвинения, а также по делам частно-публичного обвинения, если они относятся к категории преступлений небольшой тяжести. По иным категориям дел частно-публичного обвинения прекращение уголовного преследования по указанному основанию возможно только с согласия прокурора.

3. Расширение перечня нереабилитирующих оснований прекращения производства по делу таким, как отказ потерпевшего от обвинения, который должен носить безусловный характер, если потерпевший отказывается от обвинения лица в совершении преступления, преследуемого в частном порядке. По делам частно-публичного обвинения о преступлениях небольшой тяжести реализация данного основания возможна только с согласия прокурора после выяснения им причин и мотивов действий потерпевшего.

4. Введение в российский уголовный процесс института сделок о признании вины, без чего невозможно полной реализации института компромисса. Однако его законодательное закрепление должно осуществляться с учетом положительного правоприменительного опыта зарубежных государств и анализом соответствующих недостатков.

Развивая идею компромисса в сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности, необходимо отметить, что «...речь идет не о всепрощении преступников. Но разумный компромисс необходим каждый раз, если это не противоречит целям и задачам уголовной политики, общественной нравственности и оправдано практикой»¹.

---

¹ Аликиперов Х.Д. Поощрительные нормы в борьбе с преступностью // Законность. – 1991. – №8. – С.25-27.